

Накануне Нового года вспоминается то доброе, что принес уходящий год, загадываются желания на будущее...

1988 год наградила Игоря Дмитриева давно заслуженным званием народного артиста

республики, 1 января его тезке Игорю Владимирову исполняется... ну, в общем у него юбилей. Оттого и встретились они сегодня на нашей предновогодней странице — два народных любимых ленинградцами артиста.

Игорь Владимиров: ПТИЦУ РИСУЮ ЗА НОВО

Никогда не угадаешь, какой сюрприз преподнесет тебе случай. Будь в довоенной «Корабелке» большой студенческий театр, вполне возможно, что Игорь Петрович Владимиров так и не стал бы ни актером, ни режиссером. К счастью, молодежный драмкружок требовал новых сил, и будущий инженер-кораблестроитель получил комсомольское поручение записаться в художественную самодеятельность. Так начинался для него трудный путь к сцене: через ленинградское народное ополчение, через инженерное дело, потом — через Моховую, Малый областной передвижной театр оперетты, Театр имени Ленинского комсомола и Большой драматический с уроками Георгия Александровича Товстоногова. Кажется, все это было так недавно, но сегодня главный режиссер Академического театра имени Ленсовета народный артист СССР Игорь Владимиров может взглянуть на пережитое с высоты своего семидесятилетия.

— Игорь Петрович, как вы считаете, насколько вам удалось реализовать себя в любимом деле?

— Я не фаталист, но убежден, что каждый человек проявляет себя в творчестве в меру отпущенного ему богом, судьбой. Ни больше, ни меньше. И все разговоры на тему «вот если бы...» просто несерьезны. Мой зритель всегда получал от меня ровно столько, сколько я был способен дать. Другое дело, что в жизни бывают приливы и отливы. И в искусстве царит не прямая, а синусоида. Стараюсь помнить об этом и в периоды подъема, и в горькую пору, когда кривая ползет вниз.

— Какие времена переживает ваш театральный корабль?

— Трудные... Сейчас очень модно ругать театры, и мы не избежали этой участи. Причем критика во многом права. Однако минувший сезон с пятью премьерными дает мне смелость утверждать, что синусоида медленно но верно стала подниматься.

— Почти тридцать лет в одном коллективе... Не устали?

— В свое время я отказался от двух театров в Ленинграде и трех — в Москве. Кое-кто считает это непростительной ошибкой. Ведь даже

великие полагали, что режиссер может плодотворно работать с одной труппой 15—18 лет. И все же я рад, что остался в этом трудном (а потому любимом) театре.

— Как менялись во времени ваши художественные пристрастия?

— Начинали мы в пору больших надежд, открывшихся после XX партсъезда. Театр имени Ленсовета той поры был объединен идеей, блистательно обнародованной «Современником» — «правду, ничего, кроме правды!». Сидевшие в зале и игравшие на сцене были очень похожи друг на друга. Считаю, это было революционное для искусства время. Мы быстро росли. Творческие пики того периода — «Таня» и «Мой бедный Марат». Однако идеи этой нам хватило лет на восемь, потом стало скучно.

— И вы зацепили?

— Да, мы стали своего рода театром мюзикла. С конца 70-х в течение десяти лет на нашей сцене появилась целая галерея музыкальных спектаклей. Но и в этом жанре мы тоже стремились сохранить гражданскую позицию, что было не так-то просто. Сколько раз приходилось за свои постановки стоять на ковре, вслушивая крепкие словечки высокого начальства. Снятый Центральным телевидением спектакль «Люди и страсти» «пролежал на полке» десять лет. За «Левшу» и «Человека со стороны» крепко нам доставалось, потому что руководящие инстанции просматривали там много вольнодумства и опасных намеков. У нас шла «Дульсинья Тобосская» опального Александра Володина. Музыкальный период закончился спектаклем «Интервью в Буэнос-Айресе» — одной из лучших наших работ, притом очень серьезной. Нам хватило бы этого жанра еще лет на двадцать и рынок был неисчерпаемый. И все-таки опять мы заскучали.

— Значит, даже при внешнем благополучии синусоида может пойти вниз?

— Так и вышло. Крепко пришлось задуматься. Знаете, как Левша говорит: «Мысли либо вдарит, либо не вдарит». Не «вдарит» — надо все бросить и уходить. Но тут вспомнилась пушкинская мысль: цель театра — удивлять. Для

него театр был не жизнью в чистом виде, а неким сгустком поэтической энергии. А что такое эта энергия, если не театральность! Некоторые это восприняли как «Долой Станиславского», хотя в «Горячем сердце» он прекрасно доказал, что владеет и такой эстетикой. Третья волна началась с «Игроков» Гоголя.

— Вы говорите о времени, а я вспоминаю ваших антеров. Ведь каждый этап выдвигал свои имена. Признаться, мне, зрителю, очень жаль, что здесь не играют больше Алиса Фрейндлих, Анатолий Равикович, Ирина Мазуркевич, Михаил Боярский, Ефим Каменский... Что побудило их уйти от вас?

— Каждый случай индивидуален. После ухода Алисы Фрейндлих ряд ведущих актеров стал рассчитывать на единоличное лидерство. Я же сделал ставку на ансамбль, на молодежь. К тому же, когда с актерами работаешь десять-двадцать лет, вполне естественно, что рефлексы нередко притупляются. Реакция отторжения может произойти совершенно неожиданно и с самыми драматическими последствиями. Это мучительные мгновения не только для актеров. Трагедия режиссера не меньше: Великая наука — быть всегда интересными друг другу. Это как в любви...

— Насколько логичен, по вашему, уход Михаила Боярского?

— В его решении, конечно, есть логика: на эстраде он обрел огромную популярность. И все же мне как режиссеру

жаль этой потери, потому что со временем из него вышел бы прекрасный Тартюф.

— Ваш театр интересен сегодня новыми именами. Вспомнить хотя бы принципиальную удачу минувшего сезона — спектакль «Завтра была война», который потряс даже самого Бориса Васильева. Как вы оцениваете возможности молодых?

— Я немножко в них всех влюблен. Мне и новый актерский курс в институте дарит много положительных эмоций. За последние сезоны заметно вырос еще недавно ходивший в молодых Сергей Мигицко. Его товарищи по курсу актер Олег Леваков плодотворно ищет себя в режиссуре. А какое редкое явление в нашем театре Анна Алексахина! Веро в драматический дар Ирины Ракшиной, радуясь успехам Светланы Письменченко в образах лирических героинь... Это наши надежды, и работает с ними очень интересно.

— Вы активно работаете как режиссер, вам близка и стихия актерства. На недавнем фестивале «Лучшие роли России» в Белгороде была представлена и ваша новая роль — профессор Преображенский в спектакле «Собачье сердце». А вы сами как относитесь к своим театральным работам?

— Думаю, человек, считающий себя замечательным актером или режиссером, уже, как говорится, едет с ярмарки. У меня достаточно саморонии, чтобы не впадать в восторг относительно собственного творчества. Главным своим достоинством считаю то, что всю жизнь очень много работал. И, полагаю, это единственно возможный способ существования в искусстве.

— Чего бы вы сами пожелали по случаю юбилея Игорю Петровичу Владимирову?

— Если перечислять все, о чем мечтается, вы поймете, что жизни на все не хватит. В моих актерских планах — король Лир и Маттиас Клаузен в драме Гауптмана «Перед заходом солнца». Как режиссер хочу обратиться к мюзиклу «Кентервильское привидение» по Оскару Уайльду на музыку Леонида Баяля и пьесе Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь». Знаете, в театре очень трудно поставить последнюю точку, и замыслов всегда во много раз больше, чем способности их воплотить. «Упущенные возможности» — так, наверное, будет называться глава в моей будущей книге.

— А сама книга?

— Быть может, строк... из стихотворения Жака Превра: «Как нарисовать птицу». В том-то и радость искусства, что эту птицу всякий раз приходится рисовать заново.

Беседу вел
О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС — специально для «Вечернего Ленинграда»